

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 44–53. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 44–53. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09“19”

EDN PHNEQC

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-44-53>

«МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ А.С. ПУШКИНА» П.В. АННЕНКОВА: ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ТЕКСТА

Лобкова Нина Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия, lobkova.nina.a@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи – объяснить, как Анненков выстраивает свои «Материалы», чтобы показать развитие поэтического дара Пушкина. Статья выполнена по третьему изданию «Материалов» Анненкова 1984 г., которое повторяет публикацию 1873 г.: в ней текст книги был разделен биографом на главы с кратким указателем содержания каждой, раскрыты имена современников поэта, обозначенные в первом издании начальными буквами или звездочкой, уточнены даты писем и стихов Пушкина. В статье дан комментарий к построению Анненковым пушкинской биографии: хронологическая канва повествования сохранена, но границы разделов проницаемы. Содержание текста любой главы подается Анненковым в свете личности Пушкина, как она открылась биографу в целом. Такая форма изложения материала и позволила Анненкову воссоздать процесс развития художественного сознания поэта. В статье подчеркивается особое значение работы Анненкова, которая дала богатейший архивный материал для пушкинской биографии. Письма поэта, рукописи, черновики, рабочие тетради воссоздавали мысль и голос Пушкина, жизнь души, его восприятие русской и мировой культуры, его понимание истории, что воспринималось читателями в 1855 г. как важнейшее открытие.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, П.В. Анненков, биография, архивные материалы, письма, творчество, поэзия, русский язык, история.

Для цитирования: Лобкова Н.А. «Материалы для биографии А.С. Пушкина» П.В. Анненкова: особенности построения текста // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 44–53. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-44-53>

Research Article

“MATERIALS FOR THE BIOGRAPHY OF A.S. PUSHKIN” P.V. ANNENKOVA: FEATURES OF TEXT CONSTRUCTION

Nina A. Lobkova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, lobkova.nina.a@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to explain how Annenkov constructs his “Materials” to show the progress of Pushkin’s poetical genius. In this article it is noticed that the chronology has a formal place in “Materials” but the chapter’s boundaries are flexible. The content of the text of any chapter is presented by Annenkov from the angle of Pushkin’s personality as it appeared to the biographer. Such a form let him realize the process of transforming Pushkin’s abilities. Pushkin’s letters, manuscripts, drafts, and notebooks created his voice and thoughts which were perceived by readers in 1855 as a major discovery.

For citation: Lobkova N.A. “Materials for the Biography of A.S. Pushkin” P.V. Annenkov: features of text construction. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 44–53 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-44-53>

Выход в свет в 1855 г. научного издания сочинений А.С. Пушкина под редакцией П.В. Анненкова, первый том которого составили «Материалы для биографии» поэта, получил восторженные отзывы первых читателей и одобрительные рецензии во всех известных журналах. Издание «Материалов» совпало с моментом перелома в общественной жизни России, «воскрешение» Пушкина получило символический смысл при смене эпох [Шилов: 6–7]. Анненков создал уникальную биографию Пушкина – историю развития его творческого дара, его сознания, внутреннюю биографию личности. Многие друзья, родственники, знакомые поэта откликнулись на просьбу Анненкова и прислали ему воспоминания о Пушкине. Ссылается Анненков в «Материалах» и на устные высказывания современников о поэте, записанные биографом при встречах. Но самым важным источником пушкинской биографии был архив поэта, бесценное сокровище – «два сундука его бумаг», присланных Н.Н. Пушкиной-Ланской в дом к Анненковым; это были рукописи, черновики, письма, наброски замыслов, рабочие тетради. Впервые после Жуковского архив Пушкина стал доступен Анненкову. Два сундука пушкинского архива сопровождали Анненкова в августе 1852 г. в его усадьбу Чирьково Симбирской губернии, где в течение четырех месяцев он трудился над изданием; в октябре 1853 г. в Петербурге все шесть томов сочинений поэта, включая «Материалы», были подготовлены к печати и изданы в 1855 г. (дополнительный седьмой том вышел через два года). Работа над научным изданием сочинений Пушкина дала великолепный материал для его биографии: «Заметки, мысли, соображения, выписки из сочинений были невидимым подземным основанием, на котором созидались и образ его мыслей, и понимание предметов, и самое настроение духа, направляющее поэтический дар его» [Анненков 1984: 238].

По убеждению Анненкова, личность необыкновенного человека «должна освещаться сама собой, своим внутренним огнем. Она тотчас искажается, как подносят к ней со стороны грубый светоч, будь то самого розового или, наоборот, мрачного цвета»; биографу «чрезвычайно важно смотреть прямо в лицо герою своему и иметь доверенность к его благодатной природе» [Анненков 1983: 58–59]. Эти слова Анненкова прозвучали в его записках «Гоголь в Риме летом 1841 года», опубликованных в 1857 г. в журнале «Библиотека для чтения». Этому требованию следует Анненков и в «Материалах». Мир Пушкина, жизнь его сознания открыты биографу. Читая «Материалы», мы слышим голос поэта. Это впечатление возникает из многочисленного цитирования пушкинских рукописей, из воссоздания истории текста его художественных сочинений. Мысль и голос Пушкина воспроизводят также почти постоянные постраничные примечания Анненкова, что подчер-

кнул К. Шилов в статье о «Материалах» [Шилов: 46]. Эти примечания различны. В них могут быть черновые варианты стихов, цитаты из неопубликованных стихотворений, статей, записок Пушкина, отрывки из его писем, воспоминания о нем, издательские замечания при публикациях произведений, отголоски литературных споров. Пушкин присутствует в разных ракурсах в «Материалах» Анненкова, душа поэта раскрывается всесторонне и с любовью. Весь текст книги, по словам К. Шилова, «поистине “осердечен” – любовью к Пушкину». В этом – один из секретов «редкостного обаяния книги» [Шилов: 46].

Присутствие образа Пушкина, освещенного изнутри собственным светом, объясняет особенности построения биографии. Анненков сохранил хронологический принцип повествования в «Материалах»: 38 глав биографии содержат рассказ о развитии пушкинского гения. Каждая глава открывается краткой аннотацией ее содержания. Но хронологический принцип не сковывает повествование: в любой главе биограф обращается к документам и событиям других лет в связи с заявленной темой. Повествование развивается свободно и непринужденно – как свободно возрастал талант поэта. Каждый этап жизни и творчества Пушкина в книге Анненкова сопряжен с личностью поэта в целом, как открылась она биографу из всех архивных и опубликованных его сочинений, писем, статей.

Весь текст «Материалов» оказывается в свете гения Пушкина – от первых страниц исследования. «Казалось, язык поэзии был его природный язык, данный ему вместе с жизнью» [Анненков 1984: 58] – эта фраза Анненкова прозвучала в главе II о Пушкине в лице. Близкая мысль, но насыщенная музыкальными оттенками и терминами, мотивом природной стихии творчества Пушкина, высказана почти в конце книги, в главе XXIX: «Звуки, по собственному его выражению, беспрестанно переливались и жили в нем; но следует прибавить, что он внимательно прислушивался к ним, что он наслаждался ими почти без перерыва» [Анненков 1984: 311]. Второе высказывание, повторяя более раннюю мысль, содержит ее музыкальное развитие, создает образ творца, передает силу природной поэтической страсти. «Прекрасно понял Анненков, что поэзия была для Пушкина страстью, свободным органическим проявлением его натуры, делом, без которого он бы не мог жить и дышать» [Фридендер: 21].

Подобное зеркальное оформление обогащает в биографии любую тему: ее начало, наброски первых впечатлений через несколько страниц получают более поздний вариант звучания, более совершенное ее воплощение, – или развитие темы происходит в обратном направлении (в главах о Пушкине 1830-х гг.), но в любом случае включается тот самый внутренний свет личности поэта, о котором писал Анненков.

Посмотрим, как это происходит в решении темы лицейской лирики.

Тема лицейского творчества Пушкина в главе II открывается планом автобиографии, драгоценной архивной запиской 1830 г., то есть документом времени известности и славы поэта. Слово «драгоценный» – одно из самых любимых Анненковым, его восхищение, изумление при разборе пушкинского архива вполне понятно. Читатели биографии впервые ознакомились с этой архивной запиской Пушкина. В ней перечислены факты из истории семьи, детали московского быта, ранние детские впечатления, имена домашних воспитателей и кратко – важнейшие вехи лицейских лет. Вслед за этим Анненков прилагает второй документ, более ранний, тоже драгоценный, – отрывок из подлинных записок Пушкина, которые он вел в Лицее, по всем признакам 1815 года, «писан ещё юношеским почерком» [Анненков 1984: 48]. Анненков упоминает о сожжении Пушкиным около тридцатых годов «всех лицейских писем и записок, какие только мог найти под рукою. Наш отрывок уцелел, вероятно, потому, что затерялся в его тетрадах». Анненков цитирует эти лицейские записки полностью, комментируя их «главные предметы» – имена известных писателей и первые опыты молодого автора. «Жуковский дарит мне свои стихотворения» (курсив Анненкова. – *Н. Л.*); «Мои мысли о Шаховском» – «первый пример литературного суждения в Пушкине», поэтому Анненков выписывает его полностью: «Шах<овской> никогда не хотел учиться своему искусству и стал посредственный стихотворец. Шах<овской> не имеет большого вкуса: он худой писатель. Что же он такой? Неглупый человек, который, замечая всё смешное или замысловатое в обществах, пришел домой, всё записывает и потом, как ни попало, вклеивает в свои комедии» [Анненков 1984: 48–49]. Эти суждения сопровождаются куплетами лицеистов о «Шутовском», о гонителях Карамзина и баллад Жуковского, Анненков дает их в примечании на этой же странице. Стихи слабые, детские, но они говорят об интересе лицеистов к литературным спорам карамзинистов и сторонников «Беседы» Шишкова. Мнения лицеиста Пушкина о Шаховском Анненков не комментирует, но бросает фразу: «... всё это было делом увлечения, за которым слепо шел и Пушкин; но надо сказать, что он первый и отстал от толпы, как скоро увидим». Обещание биограф исполнил уже в следующей главе, рассказав о вечере Пушкина и Катенина «на чердаке» кн. Шаховского в 1818 г. [Анненков 1984: 75].

Главное внимание во II главе Анненков уделяет творчеству Пушкина-лицеиста. Биограф пересказывает со слов одного из товарищей поэта сюжет несохранившегося философского романа Пушкина «Фатам»; приводит первый пушкинский опыт психологического портрета в прозе («Вчера провел я вечер с Икон-

никовым») и подробно рассматривает лирику юного поэта. Первые его стихи были по-французски (в них Анненков видит продолжение легкой «домашней поэзии» московского дома Пушкиных); русские стихи – подражания Карамзину, Державину, Батюшкову, эпиграммы, оригинальные элегии и послания – быстро прославили его. «Основной характер юношеской поэзии Пушкина составляет веселый взгляд на жизнь и стремление к беззаботному наслаждению ею, что и доставило ей успех в публике и между лицейстами» [Анненков 1984: 60].

В этой же главе Анненков говорит о первых напечатанных стихах Пушкина-лицеиста и о необыкновенной строгости Пушкина впоследствии к «грехам отрочества» при отборе стихов к публикации. «Из всей кипы их (120) он выбрал в 1826 году для первого собрания своих стихотворений только 14 значительных пьес (*Анненков их перечисляет*) и 9 эпиграмм и надписей» [Анненков 1984: 55]. Этот факт отбора ранних стихов для первого своего сборника – тоже «звонок» из будущего, взгляд взрослого поэта на свое детское творчество. Анненков отметил, что большая часть ранних стихотворений была пересмотрена и исправлена для этого собрания, так что оно «вряд ли может дать настоящую идею о лицейских произведениях». Биограф включил в главу о лицейских стихах предисловие к собранию 1826 г. «от издателей» (в примечании на с. 56), где прозвучала фраза: «Любопытно <...> сравнить четырнадцатилетнего Пушкина с автором “Руслана и Людмилы” и других поэм» [Анненков 1984: 56]. Полную историю «Стихотворений Пушкина» 1826 г. Анненков изложит в главе XIV, распуская сложные обстоятельства издания по письмам поэта 1823–1824 гг. к Бестужеву, к Я.Н. Толстому, к брату Льву [Анненков 1984: 181–183], завершив этот сюжет восторженным письмом Пушкина «брату Льву и брату Плетневу» из Михайловского в марте 1825 г., при благополучном завершении дела. Из приведенных документов главы XIV ясно, что Пушкин сам участвовал в редактировании стихов и в составлении предисловия «от издателей», им исправленного. Анненков, первый пушкинист и текстолог, дорожил точностью воссоздания лицейских стихотворений Пушкина. Для собственного издания он тщательно сверил все лицейские стихи Пушкина по рукописной архивной тетради, показав в примечаниях разницу между настоящим и исправленным текстом.

Лицейские элегии, делает вывод Анненков в обзоре его ранней лирики, как и записи о первых увлечениях, «о всех волнениях воображаемой страсти», были только «едва мерцающей зарей сердечного чувства, так сильно развитого впоследствии у Пушкина; но он вспоминал о ней позднее с умилением» [Анненков 1984: 51–52]. «Лицейские стихотворения по-

ходят на памятную книжку, где записано многое слишком коротко и бегло, многое слишком пространно и слабо» [Анненков 1984: 60]. Анненков отмечает влияние Батюшкова в лицейской лирике Пушкина, хотя сам поэт признавал себя учеником Жуковского».

Завершая главу II, Анненков обращается к знаменитым стихам Пушкина в «Онегине» о первых встречах с Музой:

В те дни, в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться Муза стала мне...

Анненков обрывает цитату – стихи всем памятные, но делает свой подарок читателям. В дополнение к этим любимым стихам о начале пути поэта он приводит ещё один документ – неизданный черновой оригинал из главы восьмой «Онегина», «где Пушкин ещё подробнее и с таким же поэтическим одушевлением рисует свое собственное лицо в стенах лицея» [Анненков 1984: 62].

I

В те дни, когда в садах лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно «Елисея»,
А Цицерона проклинал,
В те дни, как я поэме редкой
Не предпочел бы мячик меткой,
Считал схоластику за вздор
И прыгал в сад через забор,
Когда порой бывал прилежен,
Порой ленив, порой упрям,
Порой лукав, порою прям,
Порой смирен, порой мятежен,
Порой печален, молчалив,
Порой сердечно говорлив.

II

Когда в забвеньи перед классом
Порой терял я взор и слух,
И говорить старался басом,
И стриг над губой первый пух,
В те дни... в те дни, когда впервые
Заметил я черты живые
Прелестной девы, и любовь
Младую взволновала кровь,
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманом пылких снов,
Везде искал ее следов,
Об ней задумывался нежно,
Весь день минутной встречи ждал
И счастье тайных мук узнал...

Реальные приметы лицейского быта в черновом автографе, черты характера юного поэта, его мятежность, непонятная тоска и волнение – всё это невольно воспринималось в контексте всем известных первых строф окончательного варианта главы восьмой

«Онегина». *Внутренний свет личности* Пушкина обеспечивала память читателей. А черновик дополнял эти знаменитые строки, приближая к читателю образ поэта-лицейста и картину минувшей поры пушкинского отрочества. Можно представить, как радовали эти неизвестные две строфы «Онегина» первых читателей «Материалов» Анненкова.

Таким образом, лицейский период творчества Пушкина открывает поздний документ – неизвестный прежде план автобиографии 1830 г., из которого читателям был знаком рассказ Пушкина о чтении на экзамене 1815 г. «Воспоминаний в Царском Селе» перед Державиным. Закрывает тему неопубликованный черновой вариант стихов о Лицее из главы восьмой «Онегина». Внутри рамы между этими двумя поздними документами под мощным светом личности Пушкина даны лицейские тексты и комментарии к ним.

Тема III главы биографии – петербургские годы Пушкина после выпуска из Лицея: «брожение юности», «удальство и молодечество», «беззаботная растрата ума, времени и жизни на знакомства, похождения и связи всех родов». Шумный водоворот жизни, по словам Анненкова, имел для Пушкина нравственные и физические последствия: в феврале 1818 г. он лежал в горячке. К этому моменту Анненков привел в примечании известный сюжет о суеверии Пушкина и о визите его к гадалке, г-же А.А. Фукс, ссылаясь на документальный источник. По мнению Анненкова, только после выезда из столицы начнется серьезная творческая биография поэта. «С Крыма открывается эта длинная повесть внутреннего хода его мысли; она, как постоянный указатель нравственного его развития, преимущественно взята нами в руководители при настоящем нашем труде» [Анненков 1984: 68]. Однако и в петербургские годы «гений молодого поэта возростал и креп даже в этой сфере» [Анненков 1984: 67].

С первого шага своего в свет Пушкин очутился в обществе тогдашних литераторов на равных правах. «Он почти совсем не был в положении начинающего» [Анненков 1984: 69]. Анненков упоминает о внимании к Пушкину в лицейские годы В.А. Жуковского, Н.М. Карамзина, А.И. Тургенева, объясняя известность молодого поэта в петербургские годы, – это воспоминание тоже включает свет его личности.

Обоснованным было и замечание Анненкова о постоянной работе Пушкина над своим образованием, что подтверждено мнением друзей поэта и его черновыми заметками, выписками из иностранных писателей. А.В. Дружинин в своей статье 1857 г. подчеркнул именно эту мысль в «Материалах»: поэты-наставники Пушкина упрекали его в беспечности, в лениности, в шалостях; однако, несмотря на развлеченья и веселье, «их баловень, их ленивец трудился так, как едва ли трудился в то время хоть один из современных русских пи-

сателей». «Материалы» Анненкова убедили Дружинина в том, что Пушкин, «прилепляясь душой к своему труду», становился фанатиком той или другой книги или явления, «исчерпывая до дна предмет своих наблюдений, озаряя его светом поэзии» [Дружинин: 44].

В этом плане показательным был эпизод сближения Пушкина с Павлом Катениным, о котором рассказал Анненков в III главе. В кратком очерке литературного быта этих лет Анненков назвал основные кружки, салоны, журналы обеих столиц, уделив главное внимание горячим спорам «карамзинистов» со «славянами» по проблеме народности и самобытности поэзии. Громким событием литературной жизни было поэтическое состязание Катенина с Жуковским в жанре баллады. Пушкин, поэт школы Жуковского и Карамзина, был восхищен простонародным выразительным языком Катенина в балладе «Ольга», написанной на тот же сюжет, что и «Людмила» Жуковского, но под знаменем «славянской» партии. Анненков, не вникая в историко-литературные обстоятельства, сообщил о встрече двух поэтов, почти дословно пересказав эпизод из «Воспоминаний о Пушкине» Катенина, написанных по просьбе биографа в 1852 г. «Пушкин просто пришел в 1818 году к Катенину и, подавая ему свою трость, сказал: «Я пришел к вам, как Диоген к Антисфену: побей – но выучи!» – «Ученого учить – портить!» – отвечал автор «Ольги». С тех пор дружеские связи их уже не прерывались» [Анненков 1984: 74]. Учитывая ученость Катенина, Пушкин разыграл маленький спектакль по историческому анекдоту из древнегреческой философии, повторив жест Диогена к Антисфену. Катенину явно понравилась сценка молодого поэта, он «взял его за руку и повел в комнату; через четверть часа все церемонии кончились, разговор оживился», «новый знакомец ушел уже поздним вечером» [А.С. Пушкин в воспоминаниях 1: 183–184]. Через несколько страниц после эффектного начала темы Анненков отметил независимость Пушкина в оценках поэтических сочинений: «Будучи “арзамасцем” по направлению своему, Пушкин находил одобрительные слова для добросовестного труда во всех литературных партиях» [Анненков 1984: 78]. Катенин, пишет Анненков, «помирил Пушкина с кн. Шаховским в 1818 г. Он сам привел его к известному комику, и радушный прием, сделанный поэту, связал дружеские отношения между ними», несколько не повлиявшие на убеждения поэта [Анненков 1984: 75].

Анненков подчеркивает открытость молодого Пушкина всем новым впечатлениям жизни. Сближение Пушкина с Катениным в 1818 г. получает дополнительное освещение в этой же главе от пушкинских писем 1825 г. из Михайловского к своему другу. Письма говорят о значении для поэта отношений с Катениным: «Наша связь основана не на одинаковом образе мыслей, но на любви к одинако-

вым занятиям»; в этом же письме Пушкин сердечно вспоминает «один из лучших вечеров» своей жизни – «помнишь?.. на чердаке кн. Шаховского» [Анненков 1984: 78]. В другом письме 1825 г. прозвучало важное признание Пушкина: «...ты отучил меня от односторонности в литературных мнениях, а односторонность есть пагуба мысли» [Анненков 1984: 79].

Имя Катенина и позже прозвучит в «Материалах»: Анненков вспомнит о переписке Пушкина с Катениным по теме классической трагедии в связи с полемикой о романтизме и классицизме (глава VIII). Упомянут Катенин в главе XXIII при разговоре о «Моцарте и Сальери». Свою переписку с Катениным по этому поводу Анненков пересказал Тургеневу в письме в январе 1853 г.

Анненков заканчивает главу III портретом Дельвига, любимого пушкинского друга, имя которого «нельзя пропустить в этом перечне людей, окружавших Пушкина». «Дельвиг был истинный поэт», поэт в душе; с ним Пушкин «делил ещё на ученической скамье свои авторские тайны и стремления» [Анненков 1984: 80]. Тему душевной близости лицейских друзей продолжают два пушкинских отзыва о Дельвиге на последней странице главы III: в письме ему из Кишинева и в статье (как уточняют комментаторы – 1827 г.) о его идиллиях [Анненков 1984: 80]. Эти более поздние пушкинские суждения о Дельвиге выполняют свою роль, дополняя свет личности Пушкина, раскрывая его «чутье изящного» и талант дружества. Имя Дельвига и далее прозвучит во многих главах биографии, исповедальные пушкинские письма к нему и о нем позволяют услышать голос Пушкина; его самый близкий друг участвовал в важнейших событиях пушкинской творческой жизни. В главе XXIII о событиях 1830 г. Анненков привел рассказ Пушкина о последней встрече с любимым другом: «ни тот, ни другой не могли и подумать, что дружеское расставание их, ещё исполненное разговоров о литературе, будет вечным» [Анненков 1984: 259]. Пушкин уезжал в Москву, потом – в Болдино, Дельвиг провожал его до Царского Села, до заставы. В этой же XXIII главе прозвучало веселое письмо Пушкина Дельвигу из Болдина 4 ноября о «детородной» своей осени: «Посылаю тебе, барон, вассальскую мою подать, именуемую цветочною» – для альманаха Дельвига «Северные Цветы» [Анненков 1984: 262]. Именно с ближайшими друзьями – с Дельвигом и Плетневым – делится Пушкин своей радостью небывалого урожая осени 1830 г. И очень скоро в январе 1831 г. – «ужасное известие» – о смерти Дельвига (глава XXVII). «...Никто на свете не был мне ближе Дельвига», «...первая смерть, мною оплаканная», – из письма Плетневу [Анненков 1984: 288]. Все факты дружбы Пушкина с Дельвигом рассредоточены Анненковым в «Материалах», но каждое упоминание включало эту сердечную ноту в образ поэта.

Заканчивая комментарий к главе III, после отступления о Дельвиге, мы убеждаемся, что главное внимание биограф уделяет литературным интересам Пушкина, его общению с друзьями и поэтами-наставниками. О поэтическом творчестве Пушкина этих лет почти нет разговора. О поэме «Руслан и Людмила», первом большом сочинении Пушкина петербургских лет, Анненков написал в главе IV, процитировав отрицательные отзывы о поэме в критике и упомянув о восторге читателей хрустальной прозрачностью стиха и роскошными описаниями. Биограф отметил, что при втором издании «Руслана и Людмилы» в 1828 г. появилось вступление, «которое по сказочному духу и народным краскам превосходит всю поэму» [Анненков 1984: 83]. По понятным причинам портрет Пушкина первых лет после окончания лицея лишен главных красок, очерк пушкинской поэзии этого времени фактически отсутствует. Среди друзей Пушкина в главе III, как и в главе о Лицее, не названы будущие декабристы, не упомянута вольнолюбивая лирика – «возмутительные» стихи, которые стали причиной южной ссылки поэта. Само слово «высылка» не звучит в «Материалах». Причины известны. Сочинения Пушкина подготавливались Анненковым на закате «мрачного семилетия», в последние годы царствования Николая I, в обстановке жесткого контроля над свободной мыслью. Чтобы сохранить внутреннюю творческую биографию Пушкина, пришлось пожертвовать многими фактами его жизни. О забываемом «балете» цензуры при допуске к печати пушкинских сочинений Анненков позднее написал статью «Любопытная тяжба» [Лобкова: 97–98]. Уклонение биографа от разговора о самых известных сочинениях Пушкина петербургских лет и в более поздние годы отчасти объясняют и его либеральные убеждения: мятежным настроениям поэта он не сочувствовал. Да, текст книги основан только на фактах и документах, но они освещены согласно пониманию биографом личности Пушкина и природы творчества. В книге «Пушкин в Александровскую эпоху» 1874 г. Анненков высказался на тему, закрытую для него в «Материалах»: молодой Пушкин «семь лет сряду стоял посреди заговора, омываемый, так сказать, волнами его со всех сторон, и не нашлось ни одной, которая бы унесла его с собой в пропасть, где так много погибло его друзей, товарищей и ровесников» [Анненков 1998: 64]. И спасла его поэзия, его высокое призвание.

В главе III «Материалов» Анненков не упомянул вольнолюбивые стихотворения Пушкина, но даже неупомянутые они незримо присутствуют в мотиве «заблуждений» в его стихотворении «Возрождение» («Художник-варвар кистью сонной...»), которое биограф цитирует, закрывая петербургскую главу. По словам Анненкова, это стихотворение Пушкина 1818 г. доказывает «одинаково и силу его гения, и глупину его сердца» [Анненков 1984: 81]. «Задушевную исповедь» Пушкина слышит Анненков в последней строфе стихотворения:

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникает в ней виденье
Первоначальных чистых дней.

«Ясные признаки самосознания» – слова Анненкова из аннотации к главе III – об этом стихотворении Пушкина [Анненков 1984: 65].

Остановимся на важнейших главах в «Материалах» – V, VI и VII – о Пушкине на юге, содержание которых открывало многое в личности поэта, а способ изложения материала и размышления биографа позволяют нам приблизиться к разгадке магии книги Анненкова, понять ход его исследования. Именно на юге, как убеждает Анненков, поэт понял важность своего призвания и размеры собственного таланта. Но не только о развитии гения Пушкина пишет Анненков – очень важно для него нравственное взросление его личности, возрастание души, ценны простые человеческие радости, пережитые поэтом, – любви, дружбы, наслаждения красотой мира. Эти главы особенно богаты постраничными большими примечаниями биографа, которые воскрешают голос Пушкина в его письмах (неизвестных тогда читателям), в неопубликованных стихах, в мемуарных заметках о поэте.

Начало темы Пушкина южных лет сопровождает большое примечание из воспоминаний Е.П. Рудыковского, семейного доктора Раевских, где подробно рассказано о болезни поэта в Екатеринославле, о дальнейшем путешествии Пушкина с семейством генерала Раевского, о дружеском общении поэта с младшим сыном генерала [Анненков 1984: 87–88]. Реплики Пушкина, его поведение воссоздают его веселый нрав и склонность к шалостям. Пушкин быстро выздоровел «благодаря деятельной жизни, дружбе и нравственному довольству, с ней неразлучному». Его исцелению помогли источники Кавказских гор; единственным признаком тяжелой болезни оставалась только бритая голова. Поэтому Пушкин, пишет Анненков, долго ходил в молдаванской феске или красной ермолке, что в Кишиневе принято было за суетное желание казаться оригинальным и ставилось ему в упрек, как позднее – Онегину за его наряд:

Носил он русскую рубашку,
Платок шелковый кушаком,
Армяк татарский нараспашку
И шапку с белым козырьком;
Но только сим убором чудным,
Безнравственным и безрассудным,
Была весьма огорчена
Его соседка Дурина,
А с ней Мизинчиков. Евгений
Быть может, толки презирал,

Быть может, и про них не знал;
 Но всех своих обыкновений
 Не изменил в угоду им,
 За то был ближним нестерпим (89).

Включение в текст биографии неизданной строфы «Онегина» создает ощущение шутливой игры, но у шутки своя роль: малая деталь внешности молодого поэта времени южных странствий дала росток иронии пушкинского романа.

Кавказ поразил пламенное воображение Пушкина. Анненков цитирует записки поэта при вторичном посещении Георгиевска и Горячих вод через 9 лет – отрывки из «Путешествия в Арзрум», в которых Пушкин вспоминает свои впечатления 1820 г. и жалеет об утрате прежнего дикого состояния этих мест. В тексте биографии возникает зыбкая тональность миража. «В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мне взоры ровно за девять лет. Они были все те же, все на том же месте: это снежные вершины Кавказской цепи. Из Георгиевска заехал я на Горячие воды. Здесь я нашел большую перемену». Далее текст окрашен сожалением: великолепные ванны и дома явно разрушают прежнее романтическое очарование дикой природой. «В мое время ванны находились в лачужках, наскоро построенных. Источники, большую часть в первобытном своем виде, били, дымились и стекались с гор по разным своим направлениям, оставляя по себе белые и красноватые следы. Мы черпали кипучую воду ковшиком из коры или дном разбитой бутылки...» [Анненков 1984: 89]. Конечно, перемены сделали Кавказские воды более удобными, соглашается Пушкин, но сокрушается при этом: «...мне было жаль крутых каменных тропинок и неогороженных пропастей, над которыми, бывало, я карабкался».

Эти более поздние записки поэта создают зеркальную обратную перспективу в тексте «Материалов». О «Путешествии в Арзрум» Анненков расскажет в XVIII главе – в ряду событий 1829 г. Там прозвучат и комментарии биографа о независимости Пушкина в творчестве: поэт «не терпел постороннего вмешательства в дело творчества», он «не мог понять, а ещё менее допустить права распоряжаться его вдохновением» [Анненков 1984: 210]. Пушкинскому закону внутренней свободы следует и Анненков в «Материалах». Его постоянная игра временами и тональностями повествования сообщает биографии Пушкина одушевленность, создает ощущение нашего присутствия рядом с поэтом.

Непосредственные пушкинские впечатления 1820 г. можно услышать в поэме, связанной с Кавказом и горцами, – она уже тогда, считает Анненков, представлялась воображению поэта, хотя закончил он «Кавказского пленника» в феврале 1821 г. в Киевской губернии. Сейчас «он успевал только наслаждаться приливом новых, доселе неизвестных ему чувств». «Пушкин ра-

довался военной обстановке своего вояжа, любовался казаками, шумом и говором, сопровождавшим поезд его» [Анненков 1984: 89–90]. «В Тамани он увидел впервые южное море, а вскоре и роскошные берега Крыма, о которых так часто и в таких чудных стихах вспоминал потом». По словам Анненкова, сам поэт «оставил нам драгоценную заметку о внутреннем своем перевороте в стихотворении “Погасло дневное светило...”, которым он приветствовал Черное море» [Анненков 1984: 90]. В сборнике 1826 г. стихи получили название «Подражание Байрону». В примечании на этой же странице Анненков уточняет: в тетради, с которой печатались «Стихотворения» 1826 года, «пьеса названа была просто “Черное море”. Пушкин зачеркнул заглавие и написал вместо него “Подражание Байрону”». Новое название элегии, написанной в 1820 г., – знак осмысления Пушкиным собственного пути в поэзии. Небольшое примечание из истории публикации стихотворения включает *внутренний свет личности* поэта – его постоянно чувствует биограф и следует за ним в своем повествовании.

Упоминает Анненков и об антологических стихотворениях 1820 г., навеянных чтением Андрея Шенье и впечатлениями Крыма. Критик включает в свою книгу пушкинское беглое описание поездки по Крыму 1820 г., специально написанное для альманаха Дельвига «Северные цветы», позже напечатанное как приложение к поэме «Бахчисарайский фонтан». Рядом с этим нарочито сдержанным текстом Анненков дает письмо Пушкина к брату Льву с живыми впечатлениями от путешествия по Крыму [Анненков 1984: 91–92]. Поражает разница в содержании и тональности текста для печати и откровениями в частном письме. Анненков звездочкой обозначил приложение к этому частному письму и внизу мелким шрифтом дал полностью его текст.

Завершая главу V, Анненков вновь прибегнул к резкой смене тональности прозы и поэзии. Большой лихорадкой Пушкин «едва посмотрел на ржавую трубку знаменитого фонтана, из которой капала вода» – из напечатанного примечания к поэме «Бахчисарайский фонтан» [Анненков 1984: 93–94]. И следом – пушкинские стихи:

Фонтан любви, фонтан живой!
 Принес я в дар тебе две розы.
 Люблю немолчный говор твой
 И поэтические слезы!

Анненков отмечает, что Пушкин «высказывается здесь со всем жаром своей души, со всею своею впечатлительностью и вместе с какой-то осторожностью в передаче чувства. Он вообще любил закрывать себя и мысль свою шуткой или таким оборотом речи, который ещё оставляет возможность сомнения для слушателей: вот почему весьма мало людей знали Пушкина, что называется, лицом к лицу» [Анненков 1984: 94].

Близкая мысль прозвучала в VII главе – о Пушкине в Одессе: «поэтическое творчество было у Пушкина как будто поправкой волнений жизни». Ему были знакомы ураганные взрывы уязвленного сердца – он мог в мучениях ревности и досады пробежать пять верст без шляпы по палящему жару в 35 градусов, как то случилось в Одессе, по воспоминаниям брата Льва [Анненков 1984: 105]. Но поэзия сглаживала резкие проявления чувств, смягчала и облагораживала всё, что было в них случайно грубого, неправильного и жесткого [Анненков 1984: 106]. По неприменному закону отражения благодаря творчеству в поэте замолкали струны, которые звучали бы без того тревожно и несогласно: «Вот почему Пушкин мог выходить из всех порывов ещё свежее прежнего». По этой же причине он не мог в течение всей жизни остановиться на каком-нибудь исключительном направлении.

О Пушкине южных лет, о его восприятии полуазиатского и полуевропейского общества Кишинева, о его добрых отношениях с генералом Инзовым, об отлучках поэта из Бессарабии, о его литературной переписке с друзьями, о стихах, написанных в эти годы или рожденных впечатлениями жизни на юге, Анненков рассказал в главе VI.

В начале осени 1824 г. Пушкин простился с южным краем России (глава VII). 25-летний Пушкин прощается и с Байроном в чудном своем послании «К морю». «Другое направление, другое развитие ожидали его в Михайловском» [Анненков 1984: 108]. Однако до Михайловского – остановка «на минутку» в VIII главе – для обозрения южных поэм Пушкина. Анненков, прежде всего, дает слово самому поэту – звучит его голос в письмах о «Кавказском пленнике» друзьям и литераторам (по черновикам из пушкинского архива) о неудавшихся попытках создать современный характер. Пушкину, по убеждению Анненкова, были чужды теоретические тонкости литературных споров, он безошибочно мог оценить художественное достоинство поэтического произведения – независимо от формы его. Пушкина называли романтиком, и он сам себя называл романтиком, но под этим словом «он разумел совершенно свободное проявление творящего духа» – это слова поэта о его романтической трагедии «Борис Годунов» [Анненков 1984: 121].

Заметки о Пушкине на юге, об этом четырехлетнем промежутке времени, столь обильном разнородными впечатлениями, столь плодотворном в литературном отношении, выполнены биографом по архивным материалам, по письмам Пушкина и его откликам на критику. Насыщенность этих глав историческими фактами, стихами, мыслями поэта, именами друзей, суждениями о писателях российских и европейских, свободное переключение Анненкова в разные време-

на, смена тональностей повествования превращают текст «Материалов» в живое пространство – пульсирующее, одушевленное, звучащее.

Творческая жизнь поэта в IX, X и XI главах и далее представлена в разных ракурсах: в годы расцвета пушкинского таланта рождаются миры Пушкина, но не один за другим, как прежде, – теперь пушкинские миры возникают параллельно, пересекаясь между собою, создавая сложный, глубокий творческий поток, расчленивший который на отдельные жанры или периоды можно только искусственно. Анненков, по признанию первых читателей «Материалов», решился на литературный подвиг – он прикоснулся к этой живой горячей стихии творчества, понял ее природу, назвал знаковые имена и факты. Хронологическая канва биографии сохраняется, аннотации к главам исполняют роль проводника для читателей книги и в то же время убеждают в условности этих опор в повествовании.

Непрерывная литературная переписка с друзьями принадлежала к числу любимых и немаловажных занятий Пушкина в Михайловские годы: переписка включала поэта в литературную и театральную жизнь Петербурга. Но не только историко-литературный и биографический материал извлекал Анненков из пушкинских писем, – переписка Пушкина была для него особенно драгоценна тем, что ставила «читателя лицом к лицу с его мыслию», показывала «всю ее гибкость, оригинальность и блеск, ей свойственный» [Анненков 1984: 129].

Пушкинская трагедия «Борис Годунов», созданная в Михайловском, составила, по словам Анненкова, «зерно, из которого выросли почти все его исторические и большая часть литературных убеждений»; «так много соединилось для Пушкина в “Борисе Годунове” воспоминаний сердца; такими тонкими нитями связан он был с душой самого поэта» [Анненков 1984: 137–138].

Из всех размышлений биографа о трагедии «Борис Годунов» особый интерес вызывает эпизод из истории создания сцены с летописцем Пименом, в котором Анненкову удалось передать самый процесс творчества поэта. Этот потрясающий этюд подготовлен более ранними наблюдениями биографа. Даже на материале лицейской лирики Анненков отметил особенность «удивительно мужественного таланта» Пушкина – соединение необыкновенного природного дара с серьезной работой мысли. Рабочие тетради Пушкина позволили Анненкову воссоздать в гениальной сцене с летописцем Пименом то самое «горнило художественного труда», в котором соединились вдохновение и работа мысли.

На одной странице рукописи смешиваются монолог Пимена, черновая записка «как будто от безделья» (это был черновик «Воображаемого разговора

с Александром I»), тут же следует строфа из «Цыган» и стихотворение «Сожженное письмо», затем XVII и XXIII строфы 4-й главы «Онегина» – после них происходит возвращение к «Борису Годунову» с пророческим сном Григория, «столь удивительно просто изложенным и столь зловещим в устах молодого послушника:

Ты всё писал и сном не забывался,
А мой покой бесовское мечтанье
Тревожило, и враг меня мутил...

Но эти три превосходных стиха, пишет Анненков, находятся ещё в виде одного, чернового, не вполне развитого в рукописи: «Три раза в ночь злой враг будил меня». Этот стих оставлен Пушкиным опять для строф из 4-й главы «Онегина». Затем поэт возвращается к Григорию, излагая его мысли о старце:

Как я люблю его спокойный вид,
Когда, душой в минувшем погруженный,
Он летопись свою ведет...

Начинаются «тоскливые, мятежные распросы» Григория о былом, о дворе Иоанна, о битвах – за ними идут стихи совсем в другой тональности: «величавый голос инока <...> в тишине отшельнической кельи, ночью, звучит, как умиротворяющий благовест и как живое слово из дальних веков» [Анненков 1984: 145]:

Не сетуй, брат, что рано грешный свет
Покинул ты, что мало искушений
Послал тебе Всевышний...

И тут, пишет Анненков, «невольны поражены мы прозаической строкой: «Приближаюсь к тому времени, когда перестало земное быть для меня занимательным» [Анненков 1984: 146]. Анненков дал объяснение этому вторжению в текст «Бориса Годунова» других произведений и прозаической вставки: Пушкин явно «подждал вдохновения, необходимо было его участие в создании» [Анненков 1984: 145]. На первый взгляд, слова Анненкова кажутся странными: как можно подждать вдохновения? Это нечто стихийное, независимое от художника. Но Анненков, изучив пушкинский архив, впитав все оттенки мысли Пушкина, идет за поэтом, слышит его. В той же главе в начале разговора о «Годунове» биограф поместил пушкинские письма Раевскому о своей работе над трагедией, в одном из них поэт упоминал: в тех случаях, когда сцена требовала вдохновения, он «или пережидал, или просто перескакивал через нее» [Анненков 1984: 140]. В «Материалах» можно обнаружить и объяснение пушкинскими словами, что такое «вдохновение». В главе XXII, где Анненков комментирует «кабинетный труд» поэта, содержится отклик Пушкина на статью Кюхельбекера в «Мнемозине» 1824 г. (запретное имя Кюхельбекера, конечно, не названо): «Критик смешивает вдохновение с восторгом. Вдохновение есть расположение души к живейшему восприятию впечатлений и соображению понятий,

следственно и объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии. Восторг исключает *спокойствие* – необходимое условие прекрасного» [Анненков 1984: 241]. Следуя пушкинскому пониманию вдохновения, мы соглашаемся с Анненковым: эта прозаическая строка настроила душу поэта, чтобы «держать пред мысленными его очами и лицо старца, не замечающего преступных волнений послушника», и лицо самого послушника, «страстно следящего за рассказом инока, где уже смутно предчувствуется ему возможность дерзкого замысла и преступления» [Анненков 1984: 146].

В главе XXV Анненков коротко информирует о выходе в свет трагедии Пушкина в Петербурге 1 января 1831 г.; она вышла без предисловия и «даже без обозначения: трагедия ли это, драма или хроника. Заглавный лист носит только имя “Борис Годунов” и после пометки места печатания, года и типографии, слова: “С дозволения начальства”. “Борис Годунов” вышел при всеобщем молчании» [Анненков 1984: 281].

Несколько глав «Материалов» посвящены истории создания романа «Евгений Онегин». Любопытное предположение вызывают у Анненкова пропущенные строфы в разных главах «Онегина»: отброшенные самим автором как не заслуживающие отделки, они берегли в римских цифрах его воспоминания о первой мысли [Анненков 1984: 296]. Интересны комментарии Анненкова к черновым вариантам портрета Ленского. Несмотря на легкий оттенок насмешливости над восторженным молодым поэтом, замечает Анненков, видно, что Пушкин любил своего Ленского «любовью человека, уважающего высокое нравственное достоинство в другом» [Анненков 1984: 296]. В черновых вариантах второй главы романа Пушкин обращается к Ленскому «с жарким выражением любви и удивления». По убеждению Анненкова, первые наброски стихов точнее говорят о сердце поэта: более поздняя отделка текста романа, продиктованная общим его замыслом, неизбежно заслоняет ранние душевные откровения: «Мы знаем почти всё, что Пушкин отдал свету по расчету и своим соображениям, и мало знаем, что думал он про себя» [Анненков 1984: 297]. Анненков дорожит фактами из истории пушкинских произведений. В Ленском биограф готов видеть черты личности молодого Пушкина.

Дороги Анненкову все сочинения Пушкина. В отдельных этюдах в тексте «Материалов» обозначены Анненковым разные грани творческой биографии Пушкина и его душевной жизни: история создания конкретного текста; пушкинский талант дружества; отношение поэта к авторам-современникам; решение темы поэта и поэзии; оценки европейской культуры; исторические пушкинские труды и работа в архивах. С большим волнением Анненков пишет о «Русалке» – лебединой песни поэта [Анненков 1984: 329]. Лирика

Пушкина, проза, исторические исследования, письма – все материалы собирают его образ, его личность. «Настоящая, полная жизнь его заключается в самых его произведениях», «так писал Пушкин свою биографию» [Анненков 1984: 383–384].

По оценке Дружинина, такую биографию Пушкина мог написать только человек их поколения: Анненков дышал ещё воздухом Пушкинской эпохи, понимал особенности духовной и душевной жизни поэта. Современные биографии Пушкина имеют свои достоинства, но ни одна из них не обладает сердечной тональностью повествования, что и объясняет магию книги Анненкова.

Библиографический список

Источники

Анненков П.В. Литературные воспоминания. Москва: Худ лит., 1983. 693 с.

Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина. Москва: Современник, 1984. 476 с.

Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу / Изд. подг. Н.Н. Мостовская и Н.Г. Жекулин; отв. ред. Б.Ф. Егоров. Санкт-Петербург: Наука, 2005. Кн. 1 (1852–1874). 534 с.

Анненков П.В. Пушкин в Александровскую эпоху. Минск: Лимариус, 1998. 359 с.

Дружинин А.В. Пушкин и последнее издание его сочинений // Дружинин А.В. Литературная критика. Москва: Сов. Россия, 1983. С. 31–83.

Исследования

А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. Москва: Худ. лит., 1974.

Лобкова Н.А. Из истории публикаций Пушкинских работ П.В. Анненкова в «Вестнике Европы» (по письмам к М.М. Стасюлевичу) // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 3. С. 94–100.

Модзалевский Б.Л. Работы П.В. Анненкова о Пушкине // Модзалевский Б.Л. Пушкин и его современники. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 1999. С. 436–506.

Осват А.Л., Охотин И.Г. Комментарий к Материалам для биографии А.С. Пушкина. Москва: Книга, 1985. С. 61–272.

Скатов Н.Н. Пушкин. Русский гений. Москва: Классика, 1999. 592 с.

Сухих И.Н. Жизнь и критика П.В. Анненкова // Анненков П.В. Критические очерки. Санкт-Петербург: РХГИ, 2000. С. 3–31.

Тихомиров В.В. Литературная позиция А.С. Пушкина в осмыслении П.В. Анненкова // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 3. С. 42–71. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-42-71>

Фридлиндер Г.М. Первая биография Пушкина // Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина. Москва: Современник, 1984. С. 5–31.

Шилов К.В. Павел Васильевич Анненков и его «Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина» // Комментарий к Материалам для биографии А.С. Пушкина. Москва: Книга, 1985. С. 5–60.

References

A.S. Pushkin v vospominaniakh sovremennikov [A.S. Pushkin in the memoirs of his contemporaries]: in 2 vols. Moscow, Khud. lit Publ., 1974. (In Russ.)

Fridlender G.M. *Pervaya biografia Pushkina* [The first biography of Pushkin]. Annenkov P.V. *Materialy dlia biografii A.S. Pushkina* [Materials for the biography of A.S. Pushkin]. Moscow, Sovremennik Publ., 1984, pp. 5–31. (In Russ.)

Lobkova N.A. *Iz istorii publikatsii Pushkinskikh rabot P.V. Annenkova v "Vestnike Evropy"* (po pis'mam k M.M. Stasiulevichu) [From the history of publications of Pushkin's works by P.V. Annenkov in the "Bulletin of Europe" (according to letters to M.M. Stasyulevich)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2019, No. 3, pp. 94–100. (In Russ.)

Modzalevskii B.L., Raboty P.V. Annenkova o Pushkine [Works by P.V. Annenkova about Pushkin]. *Modzalevskii B.L. Pushkin i ego sovremenniki* [Modzalevsky B.L. Pushkin and his contemporaries]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb. Publ., 1999, pp. 436–506. (In Russ.)

Ospovat A.L., Okhotin I.G. *Kommentarii k Materialam dlia biografii A.S. Pushkina* [Commentary on Materials for the biography of A.S. Pushkin]. Moscow, Kniga Publ., 1985, pp. 61–272. (In Russ.)

Shilov K.V. *Pavel Vasil'evich Annenkov i ego "Materialy dlia biografii Aleksandra Sergeevicha Pushkina"* [Pavel Vasilievich Annenkov and his "Materials for the biography of Alexander Sergeevich Pushkin"]. *Kommentarii k Materialam dlia biografii A.S. Pushkina* [Commentary on Materials for the biography of A.S. Pushkin]. Moscow, Kniga Publ., 1985, pp. 5–60. (In Russ.)

Skatov N.N. *Pushkin. Russkii genii* [Pushkin. Russian genius]. Moscow, Klassika Publ., 1999, 592 p. (In Russ.)

Sukhikh I.N. *Zhizn' i kritika P.V. Annenkova* [Life and criticism of P.V. Annenkova]. *Annenkov P.V. Kriticheskie ocherki* [Annenkov P.V. Critical Essays]. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2000, pp. 3–31. (In Russ.)

Tikhomirov V.V. *Literaturnaia pozitsiia A.S. Pushkina v osmyslenii P.V. Annenkova* [Literary position of A.S. Pushkin as interpreted by P.V. Annenkova]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of Russian classics], 2020, vol. 2, No. 3, pp. 42–71. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-42-71> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.06.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 10.06.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.